

Древнейший пример сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской книжной письменности

П. В. Петрухин

Институт славистики Гейдельбергского университета
(Гейдельберг, Германия)

Восточнославянское сверхсложное прошедшее («русский плюсквамперфект») — аналитическая временная конструкция, состоящая из вспомогательного глагола в виде двух форм глагола *быти* (формы настоящего времени и причастия на -л-) и основного глагола в виде причастия на -л-, например: *есмь былъ пришьль*.

В пособиях по исторической грамматике восточнославянских языков данной конструкции традиционно отводилась роль модифицированного варианта «книжного» плюсквамперфекта типа *бѣше/бѣ пришьль*. Имелось в виду, что имперфект/аорист вспомогательного глагола плюсквамперфекта был заменен перфектом в силу общего вытеснения простых претеритов перфектом в восточнославянском (ср., например, [Борковский, Кузнецов 1965: 280]). Этот подход мешал рассмотреть семантическую специфику сверхсложной формы: то, что не укладывалось в рамки привычных представлений о семантике плюсквамперфекта, лишь вызывало недоумение (см. ниже), а чаще просто игнорировалось (вместе с соответствующими примерами).

В работе [Петрухин, Сичинава 2006] было предложено рассматривать сверхсложное прошедшее время как самостоятельную грамматическую категорию, относящуюся к открытой В. А. Плунгяном типологической разновидности плюсквамперфекта. Последняя, с формальной точки зрения, отличается одной особенностью — присутствием показателя «ретроспективного сдвига», который присоединяется к обычной форме прошедшего времени [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006]. Так, конструкция *есмь былъ пришьль* в историческом плане, по-видимому, представляет собой форму *есмь пришьль* (уже утратившую значение перфекта и ставшую простым

претеритом), к которой присоединен показатель *быль*¹. На синхронном уровне здесь выступает уже сложный вспомогательный глагол *есмыь* *быль*. В XVI–XVII вв. сверхсложное прошедшее в русском языке трансформировалось в глагольную конструкцию с частицей *было*; о реликтах сверхсложной формы в белорусском и украинском языках см. [Сичинава 2013: 296–313].

Как и множество других форм плюсквамперфекта с показателем ретроспективного сдвига, восточнославянское сверхсложное прошедшее характеризуется набором «антирезультативных» значений, в частности значениями отмененного и недостигнутого результата². Отсюда закономерное отсутствие сверхсложных форм в контексте отрицания³: «отрицательный» смысл заложен в семантике самой граммы. Отмечу, что для стандартного плюсквамперфекта отрицательные контексты типа *еще бо не баху приали ст'аго кр'їньа* [Лавр., л. 49 об.], напротив, очень характерны. Так, в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку формы под отрицанием составляют 14 % всех форм книжного плюсквамперфекта (9 из 64)⁴.

¹ На это среди прочего указывают синтаксические свойства *был-* [Циммерлинг 2019].

² Несколько особняком стоит употребление сверхсложного прошедшего в начале нарратива, которое пока надежно засвидетельствовано только в новгородской берестяной грамоте № 724 [Зализняк 2004: 176], но типологически широко распространено у различных разновидностей плюсквамперфекта, в частности характерно для форм плюсквамперфекта с показателем ретроспективного сдвига [Сичинава 2008].

³ Подобные примеры (впрочем, единичные, на фоне огромного количества стандартных употреблений) появляются лишь в поздних текстах (не ранее XVI в.), что можно связывать с уже начавшимся разложением данной грамматической категории и различными внешними влияниями, такими как интерференция с книжным плюсквамперфектом и формами, использовавшимися в некоторых разновидностях «простой мовы».

⁴ М. Н. Шевелева [2015а: 566–567; 2015б: 187–188] обратила внимание на то, что результативное значение имеет сверхсложная форма в следующем фрагменте Поучения Владимира Мономаха: *да не зазрите ми дѣти мои. н[и] инѣ кто прочетъ не хвалю бо сѧ ни дерзости своѧ. но хвалю Бѧ и прославляю мѧть юго. иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣмъ сблю^ѧ ѿ тѣхъ часть смѣтнѣхъ. и не лѣнива ма быль створить худаго на всѧ дѣла члвчѣка потребна* [Лавр., л. 83]. Вероятно, можно согласиться с тем, что здесь представлено результативное значение, однако следует обратить внимание на то, что речь идет о значении, свойственном *перфекту*, а не плюсквамперфекту, поскольку в момент написания Поучения князь жив и, как всякий христианин, по-прежнему считает себя творением Божиим. Таким образом, формально перед нами сверхсложное прошедшее, но с семантической точки зрения — не плюсквамперфект с результативным значением, а перфект. Насколько можно судить, это уникальный случай для восточнославянской сверхсложной формы (и в целом весьма необычно для плюсквамперфекта как типологической категории). Впрочем, М. Н. Шевелева, чтобы увидеть здесь именно плюсквамперфектную

Е. В. Падучева предложила использовать для семантического анализа видо-временных форм противопоставление речевого (диалогического, дейктического) и нарративного режимов интерпретации дейктических элементов языка⁵: «в речевом режиме все временные формы интерпретируются через их отношение к моменту речи»; напротив, «в нарративном режиме видо-временная форма интерпретируется не относительно момента речи, а относительно другой точки отсчета — текущего момента текстового времени» [Падучева 2011: 286]. В зависимости от режима интерпретации один и тот же видо-временной показатель может принимать разные значения. Так, фраза *На стене справа висела картина* в нарративном режиме подразумевает, что «картина находится перед глазами наблюдателя в описываемый момент в прошлом», в речевом же — что «говорящий помнит, что когда-то висела картина, но в описываемый момент не висит» [Падучева 1986/2011: 12]. В первом случае представлено актуально-длительное значение несовершенного вида, во втором — общефактическое.

Семантические различия, которые в двух обозначенных Падучевой режимах интерпретации выявляются у сверхсложного прошедшего, не менее значимы.

Употребление сверхсложного прошедшего времени в **речевом режиме интерпретации** встречается в прямой речи, обычно в главных (не придаточных) предложениях, и ориентировано на момент речи говорящего. В этом случае сверхсложная форма указывает на то, что в момент речи обозначаемая ситуация утратила актуальность. Говорящий проводит резкую черту между некоторой ситуацией в прошлом и ситуацией, в которой он находится в данный момент. Это значение можно назвать **н е а к т у а л ь н ы м п р о ш е д ш и м** [Петрухин, Сичинава 2006].

Яркий пример подобного употребления содержится в рассказе Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку) об одном из первых монахов

семантику, предлагает считать, что моментом референции для *быль створилъ* является не момент речи говорящего, а те подвиги на охоте, о которых говорится в предыдущем тексте [Шевелева 2015а: 566; 2015б: 188]. Однако в рассматриваемом фрагменте киевский князь прямо говорит о том, что Бог сотворил его *на вса дѣла члвчѣкаа потребна*. Следовательно, речь идет не об отдельных эпизодах биографии, а о всей жизни, что вполне естественно, поскольку перед нами заключительные слова Поучения, в которых князь, подводя итог всей прожитой жизни, воздаст хвалу Богу за все свои свершения, а не только за ловкость на охоте. Можно строить разные предположения о причинах появления этой уникальной в своем роде формы в Поучении, но едва ли она способна перевернуть наши представления о семантике восточнославянского сверхсложного прошедшего.

⁵ Ср. близкое противопоставление первичного и вторичного дейксиса у Ю. Д. Апресяна [1986].

Киево-Печерского монастыря и первом восточнославянском юродивом⁶ Исакии. Просидев в своей келье семь лет, «на свѣтъ не вылазя», Исакий был соблазнен бесами, после чего два года пролежал без движения и выжил лишь стараниями Феодосия Печерского. Его возвращение к жизни летописец изображает как второе рождение: *акы младенець*, он заново учился есть, говорить, ходить и т. д. Вполне придя в себя, Исакий произнес такие слова:

- (1) Се оуже *прелсти* ма *ѣси быль*, дѣаволе, сѣдаща на *ѣдино*^м мѣстѣ, а оуже не има^м сѧ затворити в печерѣ, но има^м тѧ побѣдити, хода в манастирѣ [Лавр., 1074, 195, л. 65 об.].

П. С. Кузнецов [1959: 212–213] отнес этот фрагмент к числу примеров, истолкование которых «вызывает известные сомнения, так как не обнаруживает временной соотнесенности с глагольной формой соседнего предложения (главного или сочиненного)». Действительно, этот контекст совершенно неуместен для стандартного плюсквамперфекта (о чем среди прочего свидетельствуют многочисленные переводы Повести временных лет на современные европейские языки)⁷, но полностью соответствует семантике восточнославянского сверхсложного прошедшего: Исакий заявляет о том, что бесовская «прелесть» осталась для него в прошлом, порывает с прежней жизнью, окончившейся для него духовным падением, и отныне намеревается начать новую жизнь, ср. непосредственное продолжение приведенной цитаты: *и иблечеса въ власаницю, и на власаницю свиту вотолану, и нача оуродство творити*.

В речевом режиме сверхсложное прошедшее часто фокусирует внимание не столько на самом обозначаемом действии (событии), сколько на его прагматических последствиях для говорящего/пишущего. В подобных случаях указывается не на «антирезультативность» действия как такового (которое могло вполне успешно осуществиться), а на отсутствие ожидаемых результатов этого действия с точки зрения говорящего.

Характерный пример содержится в сообщении Киевской летописи о попытке киевского князя Рюрика Ростиславича примирить между собой две

⁶ См. [Иванов 2019: 194–195].

⁷ Ни в одном из известных мне переводов форма *прельстить ѣси быль* не переводится с помощью плюсквамперфекта — используется либо простое прошедшее, либо перфект, ср., например: *Demon, you deceived me once when I sat in a lonely spot* [Cross, Sherbowitz-Wetzor 1953: 162]; *Siehe, damals hast du mich überlistet, Teufel, als ich an einer Stelle saß* [Müller 2001: 233]; *He aquí que ya me has engañado, diablo, cuando estaba en un lugar* [García de la Puente 2019: 130]. Л. Мюллер полагал, что обсуждаемая здесь конструкция — результат случайной ошибки писца Лаврентьевской летописи: «Zu dem Hilfszeitwort “esi” fügt L fehlerhaft ein zweites (“byl”) hinzu» [Müller 2001: 233].

ветви княжеской династии. Рюрик решил отдать Ярославу Черниговскому город Витебск и, чтобы известить об этом смоленского князя Давыда Ростиславича, отправил к нему посла. Тем временем Ярослав приказал своим племянникам захватить Витебск силой. Узнав об этом, Рюрик обратился к Ярославу со словами:

- (2) Изъ Витебска стоупилъ тобѣ и посоль былъ свои послалъ есмь ко братоу Двѣди, повѣдаю емоу, ажъ есмь состоупилъсѧ Витебска тобѣ. Ты же, того не дождавъ, послалъ еси снѣца своѧ ко Витебскоу, сѧовци же твои идоучи воеваша Смоленскоую волость [Ипат., 1195, 693, л. 238 об.–239].

Посол Рюрика действительно отправился в Смоленск и, скорее всего, благополучно добрался до него. В этом смысле действие, обозначенное сверхсложной формой, было результативным. Однако из-за необдуманных действий Ярослава цель поездки не была достигнута, на что и указывает сверхсложное прошедшее. По поводу этого фрагмента В. И. Чернов [1961: 220] писал: «Трудно объяснить этот пример. Ясно только то, что употребление плюсквамперфекта не соответствует ни логике развития событий, ни основным правилам его использования». По словам Чернова, «закономерней было бы употребление вспомогательного глагола *былъ* с глаголом *съступил* [sic!], так как действие, выраженное им, было начальным, предшествующим во времени всем остальным». Действительно, если бы речь шла об обычном плюсквамперфекте, то в данном контексте мы скорее ожидали бы его использования с глаголом *състоупитисѧ*, чем с *послати*, однако перед нами не обычный плюсквамперфект, а сверхсложное прошедшее, употребление которого определяется не таксисными отношениями, а прагматикой высказывания.

В деловых восточнославянских текстах встречается особое значение сверхсложного прошедшего, которое можно назвать «квази-перформативным» [Петрухин 2013]. Как и в примерах (1) и (2), в этом случае сверхсложная форма указывает на то, что некоторое действие (положение дел) утрачивает актуальность, но поскольку речь идет о деловых текстах, неактуальность может быть следствием вступления в силу того самого письменного акта, в котором встретилась сверхсложная форма. Так, жалованная грамота Василия II возвращает Троице-Сергиеву монастырю привилегию несудимости, ранее отобранную тем же великим князем. Прежнее решение при этом обозначено с помощью сверхсложной формы:

- (3) Что их села в Радонѣжи ... и язъ, княз велики, велѣлъ былъ своему волостелю радонѣжскому в тѣх их селех ... хрестыян их судити. И нонича [есми ихъ пожа]ловал: своему есми волостелю хрестыян их в тѣх ихъ селехъ ... судити не велѣлъ [АСЭИ I, № 260, 1455–1462 гг.].

Будучи использованной в официально-правовом акте, форма *велѣль быль* не только сообщает об отмене прежде принятого решения, но и собственнo отменяет его. Это сближает ее с перформативами.

Семантику стандартного европейского плюсквамперфекта (к которому близок и «книжный» плюсквамперфект типа *блше/бѣ пришьль*) принято описывать с помощью схемы, предложенной Х. Рейхенбахом: E–R–S, где E — момент события, R — момент референции, S — момент речи, при этом E предшествует R, а R предшествует S [Reichenbach 1966: 290]. Так, в предложении *I had mailed the letter when he came* S — момент речи говорящего, E — событие, обозначенное предложением *I had mailed the letter*, R — момент референции, на который указывает придаточное предложение *when he came*⁸.

В отличие от стандартного плюсквамперфекта, у сверхсложной формы в речевом режиме момент референции совпадает с моментом речи, т. е. схема имеет вид: E–R,S. У Рейхенбаха эта схема отнесена к перфекту [Ibid.]. Действительно, парадоксальным образом семантика сверхсложной формы в речевом режиме сближается с семантикой перфекта, будучи одновременно противоположной ей. Перед нами, так сказать, перфект со знаком «минус». Если перфект указывает на сохранение результата и/или актуальность действия в момент речи, то сверхсложная форма, напротив, указывает на несохранение и/или неактуальность результата действия в момент речи. В связи с этим любопытно, что сверхсложная форма появляется в восточнославянском на фоне разрушения старой системы прошедших времен, в которой имелся, в частности, перфект, и тем самым как бы компенсирует утрату перфекта, сообщая ту же информацию «негативно». В то же время можно заметить, что в семантике сверхсложного прошедшего в речевом режиме большую роль играет субъективная оценка ситуации говорящим. Это создает предпосылки для последующего развития из сверхсложного прошедшего конструкции с частицей *было*, в семантике которой присутствует несомненная модальная составляющая.

В нарративном режиме интерпретации сверхсложное прошедшее выполняет две основные функции, которые можно обозначить как «ретроспективную» и «перспективную».

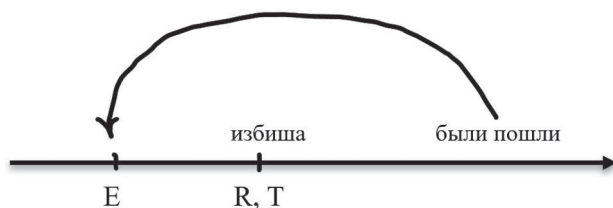
При **ретроспективном** употреблении порядок изложения событий в тексте противоположен их хронологическому порядку, т. е. имеет место регресс в повествовании. В этом случае сверхсложная форма чаще всего стоит

⁸ Пример из [Падучева 1986/2011: 12]. В тех случаях, когда в высказывании с плюсквамперфектом нет явного указания на момент референции, последний присутствует имплицитно [Bertinetto 1986: 59, 451–452].

в придаточном предложении и указывает на то, что событие Е было «отменено» последующим событием R (= момент референции), которое совпадает с «текущим моментом текстового времени» Т. Так, в следующем примере:

- (4) Тої *ж* зимы їзбища⁹ новгородцевъ, котории были пошли на юргоу, оустьюжскыи кнзи [НПЛ, 1329, л. 166].

— событию Е соответствует форма *были пошли*, момент референции обозначен формой *їзбища*, а на текущий момент текстового времени указывает обстоятельство *тої ж(е) зимы*. Схематически это можно изобразить в виде следующего рисунка, где прямая стрелка отражает хронологию событий, помещенные над ней предикаты расположены в том порядке, в котором они стоят в тексте, а изогнутая стрелка показывает, как первое соотносится со вторым:

В лапидарном известии Новгородской Первой летописи сверхсложная форма *были пошли* сообщает читателю новую информацию¹⁰. Однако возможна и отсылка к уже сказанному. Например, в рассказе Волынской летописи о конфликте между князем Владимиром Васильковичем и его троюродным братом Кондратом Семовитовичем сообщается о том, как Владимир захватил у Кондрата множество пленников, которые позже, после примирения братьев, были отпущены:

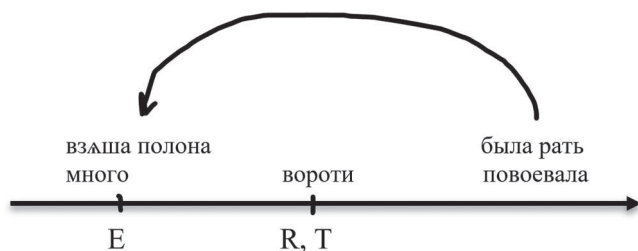
- (5) Володимеръ же посла на Кондрата рать свою, и воеваш^a по сеи сторонѣ Вислы, и взяша полона много. Посем же Кондрать при-сла ко братѣ своему Володимероу, мира не¹¹ хотѣ с нимъ. Володимеръ же оумирисѣ, и начаста быти во велицѣ любви. Володимеръ же и челадь емоу вороти, што была рать повоева[†] [Ипат., 1279, 880, л. 292 об.].

⁹ Здесь и далее в примерах формы, обозначающие момент референции для сверхсложного прошедшего или плюсквамперфекта, выделяются пунктиром.

¹⁰ Сообщение новой информации характерно и для «книжного» плюсквамперфекта в Новгородской Первой летописи по Синодальному списку [Петрухин 2004].

¹¹ Судя по контексту, отрицательная частица *не* вставлена в текст по ошибке.

Употребление сверхсложного прошедшего в этом примере можно представить следующим образом:

Ретроспективное употребление свойственно и стандартному европейскому плюсквамперфекту¹². Однако в случае стандартного плюсквамперфекта антирезультативное значение выясняется из контекста, сам по себе он нейтрален в этом отношении. Так, фраза *He was the one who had broken the chair*, согласно П. М. Бертинетто, «conserva entrambe le possibilita, potendo indicare tanto il perdurare, quanto il non-perdurare del risultato al M[omento di] R[iferimento]» [Bertinetto 1986: 456], т. е. в момент речи стул может быть по-прежнему сломан, а может быть уже в исправном состоянии. Напротив, сверхсложная форма всегда передает антирезультативную семантику.

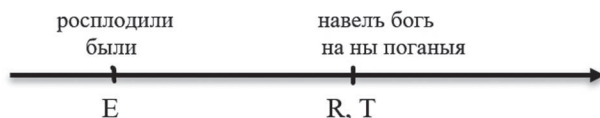
При **проспективном** употреблении порядок изложения событий соответствует хронологическому порядку, сверхсложная форма обычно стоит в главном предложении и указывает на то, что событие E, совпадающее с текущим моментом текстового времени T, не будет иметь успеха в силу события R (= момент референции), о котором сообщается в последующем тексте. Иными словами, событие, обозначенное сверхсложной формой с проспективным значением, всякий раз оказывается «перечеркнутым» последующим ходом событий, сама же сверхсложная форма как бы предвосхищает подобное развитие событий, заранее подготавливая к нему читателя. Так, в предисловии к «Софийскому временнику», восходящем, согласно [Гиппиус 2010], к XI в., говорится о «древних князьях»:

- (6) Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручеи, но хожяху жены ихъ в серебряныхъ; и роплодили были землю Рускую. За наше несытоство навель богъ на ны поганяя, а и скоты наши и села наша

¹² Ср. переводы примера (4): *The same winter the Knyazes of Ustyug killed the men of Novgorod who had gone against the Yugra country* [Michell, Forbes 1914: 125]; *Im selben Winter töteten die Fürsten von Ust'jug Novgoroder, die gegen die Jugren gezogen waren* [Dietze 1971: 139].

и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ. Пишетъ бо ся: богатство неправдою собираемо извѣтается [НПЛ, Комиссионный список, л. 1 об.].

Схематически это употребление можно передать так:

Таким образом, если ретроспективные сверхсложные формы связаны с регрессом повествования, то проспективные, напротив, продвигают повествование вперед, обозначая новое событие в нарративной цепочке. Если первые отсылают к информации, изложенной в предыдущем тексте (или, во всяком случае, к тому, что произошло до текущего момента текстового времени), то вторые, напротив, дают отсылку вперед, к последующим событиям. В обоих случаях функция сверхсложной формы очевидно сближается с местоименной¹³.

Г. А. Хабургаев в краткой работе, по-видимому, впервые порывающей с традицией семантического отождествления «русского плюсквамперфекта» с «книжно-славянским (старославянским по происхождению и формальному составу) плюсквамперфектом» [Хабургаев 1978: 51], высказал важное наблюдение: «Иногда причина появления плюсквамперфекта как прошедшего нереализованного в микроконтексте не обнаруживается и для ее выявления требуется учет содержания всего текста в целом. Например, в Рж. гр.¹⁴: *Въ тѣи жо день по его слову приготавилися есме были и рекли: Прокопи, се мы готовы, поедимъ*. Создается впечатление, что плюсквамперфект здесь указывает на предшествование приготовлений разговору, и лишь дальнейший текст объясняет, что его появление связано с безрезультатностью этих приготовлений: *Прокопиево такъ. не могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопи на конь свои уседъ поехалъ у Витьбескъ. а наю братью попустилъ*. Итак: 'приготовились было ехать, но...'» [Там же] (разрядка моя. — П. П.).

Действительно, сверхсложная форма, особенно в ее проспективном употреблении, может довольно далеко отстоять от того предиката, к которому

¹³ О связи семантики временных форм с семантикой местоимений (обусловленной тем, что те и другие относятся к дейктическим категориям) см., в частности, [Partee 1984; Bertinetto 1986: 54; Падучева 2011: 244–249].

¹⁴ Грамота рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу (1286–1307 гг.), см. ее новейшее издание в [Gonneau et al. 2021: 359–374].

она «отсылает» (момента референции). Так, Псковская летопись по 2-му Архивскому списку рассказывает о том, как немцы и поляки подослали к Ивану Грозному *Нѣмчина лютого волхва нарицаемаго Елиѣя*:

- (7) И положи на царя страхование <...> и конечно был отвел царя от вѣры: на русских людей царю возложил сверѣпство, а к Нѣмцамъ на любовь преложи. Поне же безбожнии узнали своими гадании, что было им до конца разореным быти, того ради такового злаго еретика и прислаша к нему, поне же русские люди прелестни и падки на волхование; и много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви. Послѣди же и самого приведе наконец еже бѣжати в Аглинскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшие побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша да не до конца будет Руское царство разорено и вѣра христианская [Пск. лет., 1570, с. 262].

Исключительный интерес представляет употребление сверхсложного прошедшего времени в **Житии Алексея человека Божия** по списку Златоуструя XII в. (РНБ. Ф.п.1.46, л. 98–100)¹⁵. Речь идет о древнейшем примере сверхсложного прошедшего в восточнославянской книжной¹⁶ письменности. Дело в том, что хотя сверхсложных форм, восходящих к глубокой древности (включая некоторые из тех, которые обсуждались выше), достаточно много (так, 17 употреблений обнаруживается в Киевской летописи по Ипатьевскому списку), все они, за исключением примера из Златоуструя, сохранились в относительно поздних списках. Здесь же перед нами подлинная рукопись XII в. Насколько я могу судить, обсуждаемый пример никогда не принимался во внимание при рассмотрении истории восточнославянского плюсквамперфекта¹⁷. Между тем он служит прекрасной иллюстрацией

¹⁵ Точнее говоря, житие находится в составе Торжественника, включенного в Златоуструй.

¹⁶ Именно книжной, поскольку в берестяных грамотах и настенных надписях также встречаются примеры XII в., см. обзор в [Сичинава 2020].

¹⁷ В свое время И. И. Срезневский [1867] предпочел издать житие Алексея не по Златоуструю, а по более позднему списку, аргументируя это тем, что в Златоуструе есть «некоторые отступления от первочтения <...> между прочим и такие, которые не позволяют предпочесть этот список другим спискам, более поздним» [Там же: 11]. Адрианова-Перетц выразила категорическое несогласие с этим решением [Адрианова 1917: 97]. Можно с большой долей уверенности предполагать, что в глазах Срезневского сверхсложная форма была одним из тех самых «отступлений от первочтения»: в его издании Жития Алексея, выполненном на основе ныне утерянного «пергаминального сборника XIV в. гр. Мусина-Пушкина» [Срезневский 1867: 2], на месте сверхсложной формы, которая обсуждается ниже, представлен книжный

к наблюдению Хабургаева [1978: 51] о том, что в некоторых случаях, чтобы понять причину употребления сверхсложной формы, «требуется учет содержания всего текста в целом».

В рукописи Златоуструя XII в. представлена древнейшая славянская странная версия жития Алексея человека Божия. Начало жития в Златоуструе отсутствует и в изданиях памятника обычно воспроизводится по списку XVI в. (БАН, 21.7.15, л. 31–39). Житие было переведено с греческого не позднее конца XI в. и вскоре после этого получило распространение на Руси [Муравьев, Турилов 2001: 9].

Сюжет жития необычен для агиографических текстов и, согласно В. П. Адриановой-Перетц [1967: 228–229], связан с традицией эллинистического приключенческого романа. События разворачиваются на рубеже IV–V вв. Алексей, сын знатного римлянина Евфимиана (по некоторым предположениям, имеется в виду «Новый Рим», т. е. Константинополь), сразу же после свадьбы, в брачную ночь, покидает родительский дом и молодую жену (не прикасаясь к ней), отправляется морем на восток Римской империи, раздает свое имущество бедным и начинает жить подаванием. Через 17 лет он возвращается неузнанным в родной дом и еще 17 лет живет в нем как нищий, пребывая в посте и молитве и подвергаясь издевательствам со стороны слуг. Накануне его смерти таинственный голос в церкви возвещает о том, что в доме Евфимиана находится «человек Божий». Большая процессия во главе с архиепископом и двумя императорами (вероятно, речь идет об императорах-соправителях Гонории и Аркадии и папе Иннокентии I) отправляется в дом Евфимиана, но застает Алексея уже мертвым. Из предсмертного письма святого они узнают о его тайне. Отец, мать и жена оплакивают Алексея и отчаянно сокрушаются о том, что много лет жили с ним бок о бок, не догадываясь о том, кто он.

Б. И. Берман [1982: 165] отметил в композиции жития необычную для агиографического жанра диспропорцию: «Житие очерчивает события весьма бегло, но становится чрезвычайно внимательно к подробностям там, где речь идет об отношениях героя с его семейными»; «по удельному весу своей сцены, где сталкивается самоотречение “человека божия” и безвинное страдание близких, занимают в житии едва ли не главное место; во всяком

плюсquamперфект, а сверхсложная форма приведена лишь в качестве разночтения [Там же: 6]. Вероятно, вслед за Срезневским (или независимо от него) и другие исследователи, встречавшие сверхсложную форму в житии, воспринимали ее как случайное «отступление», допущенное переписчиком. В действительности, однако, дело обстоит противоположным образом: сверхсложная форма отражает «первоочтение», а книжный плюсquamперфект в списке, которым пользовался Срезневский, — позднейшая переделка.

случае, ясно, что художественный центр тяжести, т. е. эстетическое “задание” жития, лежит в круге эмоций, вызываемых этими сценами». Следующее наблюдение Бермана, однако, кажется не вполне верным: «Их [близких] переживания канон жития не может передать иначе, как предоставив слово им самим <...>. Речь — единственное средство детализации [их] внутреннего мира». В данном случае исследователь оказался недостаточно внимателен к тем самым подробностям, которые, по его же утверждению, чрезвычайно важны для автора жития: помимо слов, которые произносят близкие Алексея, есть еще как минимум одна небольшая, но важная деталь, помогающая агиографу передать их состояние, точнее говоря, состояние матери.

Вот как житие рассказывает о том, что произошло сразу после внезапного исчезновения Алексея из отчего дома:

- (8) Мати же его от того часа брачнаго, егда [искааху его и] не обрѣтоша вшедши в [ложницу] свою и отврѣзши оконце възглавіи своем и пославши вретище, попелом посыпа, моляшеся Богу, глаголющи: [яко] не имам вѣстати отсюду, дондеже [увѣмь] о сыну [моемъ] единомъчадѣм, камо ся дѣ [Адрианова 1917: 463].

В этой картине скорби и самоотречения малозаметными остаются слова о том, что мать Алексея, давая обет не выходить из своей горницы, пока не узнает о судьбе сына, «отворила оконце в своем изголовье» (очевидно, в изголовье кровати). Неприметности этой детали способствует и то, что о ней сообщается с помощью причастного оборота. К сожалению, данный фрагмент относится к той начальной части жития, которая не сохранилась в древнем списке Златоструя и потому цитируется здесь по рукописи XVI в. Показательно, однако, что в греческом тексте употреблена финитная форма (аорист): *ἤνοιξεν θυρίδα προσφῆν αὐτῆς* [Там же: 462]. Как бы то ни было, эта, на первый взгляд, незначительная деталь получает развитие в эпизоде, где братья-императоры и архиепископ в сопровождении большой свиты приходят в дом Евфимиана:

- (9) И придоша цѣра и архиепѣпъ и вѣси цѣрви моужи и бысть гълчаник въ домоу. Мѣти же юго завѣсила была шкѣньце завѣсмь, да не видѣть ꙗко никѣтоже и рече: чѣто се ꙗсть мѣлва и матежъ и почѣто суть пришьли [Там же: 469].

В [Дробленкова, Шепелева 1999: 251] рассматриваемый фрагмент переведен так: «И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно. Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: “Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?”». Этот перевод (точнее, место «мать же, у которой завешано было оконце занавесью») явно искажает смысл текста. Во-первых, мы знаем,

что мать Алексея держала «оконце» открытым. Во-вторых, житийный рассказ дает вполне четкую последовательность событий: императоры и архиепископ, с их многочисленной свитой, пришли в дом Евфимиана и наполнили его шумом. Услышав этот шум, мать Алексея задернула окно занавеской, *да не видить ꙗко никтоже*. Следовательно, адекватный перевод должен выглядеть примерно так: «И пришли оба цесаря и архиепископ и все цесаревы мужи, и дом наполнился шумом. Мать же его задернула окно занавеской, чтобы никто не видел ее, и сказала: “Что это за шум и волнение, и зачем они пришли?”». Как и положено сверхсложному прошедшему в проспективном употреблении, форма *завѣсила была* указывает на новое событие в нарративной последовательности. Предсказуемым образом в последующем тексте обнаруживается «отменяющее» действие:

- (10) Слышавъши же мѣи ꙗко, ꙗко сѣхъ ꙗко ꙗсть, раздѣра шкъныце свое и ризы своа и растѣрза главоу свою жалостно гладаше на сѣа своего и молащи народы соушши на полатѣ молящи ꙗ глаше: оувы мѣнѣ, моужи, дадите ми мѣсто, да възърю си жалостно възлюбленого своего чада [Адрианова 1917: 473].

Итак, «оконце» упоминается в трех эпизодах. В первом из них, где мать Алексея решает затвориться в своей горнице до тех пор, пока не получит вестей о сыне, открывание оконца символизирует ожидание этих самых вестей. В этом напряженном ожидании — вся ее жизнь. «Трагическая ирония» (пользуясь выражением Бермана [1982: 165]) состоит в том, что Алексей 17 лет живет едва ли не прямо под этим оконцем, но ни мать, ни кто-либо другой из домашних не догадываются об этом. Дело в том, что мать Алексея, как и его жена (тоже давшая обет не выходить из «ложницы», *донѣде же оувѣдѣ ш женисѣ моѣмъ что ꙗмоу бысть*), и отец, отправлявший на поиски сына слуг (которые, встретив святого в Эдессе, также не узнали его), ждут вестей из «внешнего», видимого мира, тогда как тайна «человека Божия» сокрыта в мире духовном. Несовместимость этих двух миров, как непреодолимая преграда, отделяет близких Алексея от него самого: они не могут узнать его, а он остается глух к их страданиям. Как пишет С. А. Иванов [2019: 72], родные Алексея «страдают не за свою вину, а за невозможность примирить горний и дольний мир». Во втором эпизоде «завешивание» оконца происходит в комнате затворницы, где много лет все оставалось неподвижным. Эта внезапная перемена символизирует конец горестного оцепенения, в котором 34 года пребывали родные Алексея, и предчувствие развязки, но одновременно выдает невольное желание матери оградить себя от известий о сыне — после многолетнего ожидания таковых. Наконец, в третьем эпизоде, после того как матери открылась правда о сыне, оконце как символ

надежды на встречу с ним утрачивает смысл, и его «раздирание» становится знаком запоздалого понимания тщетности попыток воссоединиться с Алексеем в «должном мире».

Таким образом, казалось бы, незначительная деталь повествования в действительности исполнена глубокого смысла. На протяжении всего жития мы видим образ «оконца» в его развитии, и славянский переводчик придает этому развитию еще большую энергию, умело используя семантический потенциал сверхсложного прошедшего времени. Мы знаем, что сверхсложная форма в ее проспективном употреблении предвосхищает такой ход событий, который должен кардинально изменить ситуацию, существующую в «текущий момент текстового времени». Здесь события, к которым «отсылает» сверхсложная форма, представляют собой кульминацию всего повествования, тогда как весь предыдущий текст — своеобразная подготовка к ней [Берман 1982: 166–167]. Словами *мѣи же юго завѣсила была икѣньце завѣсьмъ* переводчик подготавливает читателя к тому, что попытка матери спрятаться от скорбных известий о сыне (шире — от правды о «человеке Божьем») окажется тщетной и впереди новый поворот сюжета, когда прозвучат слова: *раздѣра икѣньце своеѣ и ризы своя и растѣрза главоу свою жалостно гладше на сѣа своеѣго*. Можно сказать, что здесь агиограф использует сверхсложное прошедшее, с его семантическими и дискурсивными свойствами, как своего рода риторическое средство¹⁸. Показательно, что в греческом тексте в соответствии с *завѣсила была (икѣньце завѣсьмъ)* и *раздѣра (икѣньце своеѣ)* находим аористное причастие: *Ἡ δὲ μητήρ αὐτοῦ ἀπλώσασα σάβανα βαμβικινὰ ἐν τῇ θυρίδι αὐτῆς...* [Адрианова 1917: 468]; *Ἡ δὲ μητήρ αὐτοῦ [ἀκούσασα ὅτι ὁ υἱὸς αὐτῆς ἐστίν] ὥσπερ λέαινα ἀπὸ ζώου*¹⁹ *διαρρήξασα τὴν θυρίδα, διερρήξει τὰ ἱμάτια αὐτῆς...* [Там же: 472]. Как видим, славянский переводчик, который в целом строго придерживается своего оригинала²⁰, в данном случае для создания риторического эффекта меняет структуру обеих фраз.

В. П. Адрианова-Перетц писала: «Если мы зададимся вопросом, у нас или у южных славян сделан этот древнейший перевод жития св. Алексея, то должны будем признать, что для категорического ответа на него данных

¹⁸ Благодарю Р. Н. Кривко, высказавшего это соображение в ходе обсуждения предварительной версии данной работы.

¹⁹ В славянском тексте отсутствуют слова о том, что мать Алексея вырывается из своего добровольного заточения, как львица из клетки.

²⁰ Адрианова-Перетц характеризует славянский текст жития как «очень близкий, в большей части дословный перевод с греческого оригинала», где «немногие отступления <...> от греческого ограничиваются отдельными словами и выражениями» [Адрианова 1917: 87].

мало» [Адрианова 1917: 89]. А. А. Пичхадзе [2011: 84] отметила в житии оборот, который «часто употребляется в памятниках восточнославянского происхождения» и который А. И. Соболевский [1980: 137] считал русизмом, а именно *учение грамотъ* [Адрианова 1917: 459] (так в редакции Златоструя, в Троицкой редакции: *научися всеи грамотъ* [Там же: 476]), однако трактовка этого оборота как русизма вызвала у исследовательницы сомнения именно потому, что он фигурирует в житии Алексея, которое, «по всей вероятности, переведено у южных славян» [Пичхадзе 2011: 84]. Впрочем, в переписке со мной А. А. Пичхадзе констатировала, что в житии нет «явных болгаризмов» и что в целом вопрос о происхождении славянского перевода остается открытым.

В связи с этим присутствие в житии Алексея сверхсложного прошедшего приобретает особое значение. До недавнего времени эта форма не рассматривалась как русизм. Однако в предисловии к изданию древнерусского перевода «Пчелы» А. А. Пичхадзе [2008: 29] совершенно справедливо охарактеризовала сверхсложную форму как одну из «восточнославянских грамматических особенностей памятника». В самом деле, в болгарском языке, согласно М. Деяновой [1970: 28–29], сверхсложное прошедшее фиксируется лишь с XV в. Вместе с тем в восточнославянской письменности оно встречается не только в самых ранних оригинальных текстах, но и, что особенно важно в свете обсуждаемой проблемы, в некоторых из тех ранних переводов с греческого, которые наиболее надежным образом атрибутируются восточнославянским переводчикам²¹, а именно в уже упоминавшейся «Пчеле» (*таиш сѧ еси былъ* [Пчела I: 623]) и в житии Андрея Юродивого (*имже образомъ былъ вшелъ. тѣмже и снидохъ* [Молдован 2000: 210])²². Правда, форма, похожая на сверхсложное прошедшее, обнаруживается в Хронике Георгия Амартола, которая, как полагает А. А. Пичхадзе [2011: 352–354], хотя и была переведена на Руси, но не восточно-, а южнославянином. Речь идет

²¹ См. об этих переводах [Пичхадзе 2011: 350].

²² По мнению С. А. Иванова [2019: 72], житие Алексея можно отнести к византийской литературе о юродивых. В связи с этим любопытно, что среди древнейших текстов, в которых встречается сверхсложное прошедшее время, рассказы о юродивых занимают довольно заметное место, ср., помимо жития Андрея Юродивого, рассказ Повести временных лет об Исакии Печерском (пример (1)). Это едва ли случайное совпадение, если учесть, что характерная особенность юродства — нарушение любых норм, правил, приличий и канонов, употребление же сверхсложного прошедшего связано с тем, что, пользуясь определением А. Барентсена, можно назвать «нарушением естественного хода событий» («a disturbance of the natural flow of events» [Barentsen 1986: 52]). Барентсен формулирует таким образом значение современной русской частицы *было*, но в данном отношении между ней и сверхсложным прошедшим нет принципиальной разницы.

о фрагменте из рассказа о византийском императоре Феодосии I: *С(ы)нъ же юго, надежею же великъ, временемъ же малъ, юдва быль степень оунотьскыи въстоупиль, болариноу же ютероу, Амаксовью именемъ, обещаюника юмоу соуца нравы и хвалами, предасть юго юмоу на показаньѹ* [Истрин 1920: 373] ‘А сына своего, внушавшего великие надежды, но малого возрастом (ведь он едва переступил порог юношества) он отдал на воспитание боярину по имени Амаксовий, который был близок ему по характеру и достоинствам’. Однако в действительности перед нами не сверхсложная форма, а калька греческой конструкции, состоящей из имперфекта глагола *εἶμι* ‘быть’ и перфектного причастия от глагола *ἐπιβαίνω* ‘входить, вступать’: *μόλις γὰρ ἦν τοῦ οὐδοῦ τῆς νεότητος ἐπιβεβηκὼς* [de Boor II: 562]²³. Напротив, в «Пчеле» древнерусской сверхсложной форме *таил сѧ еси былъ* соответствует греческий имперфект *ἐλάνθανε*, а в житии Андрея Юродивого форме *былъ вшелъ* — греческий аорист *ἀνῆλθον*. Как уже отмечалось выше, в житии Алексея на месте сверхсложной формы *завѣсила была* (*икъньце завѣсьмъ*) в греческом тексте стоит аористное причастие *ἀπλώσασα*. Закономерно в Житии Алексея, Житии Андрея Юродивого и «Пчеле» сверхсложное прошедшее передает антирезультативное значение, а калькированная конструкция в славянском тексте Хроники Георгия Амартола, напротив, выступает в значении результативном.

Таким образом, использование (и притом весьма искусное) в переводе Жития Алексея сверхсложного прошедшего можно считать достаточно сильным аргументом в пользу восточнославянского происхождения этого перевода.

Литература

- Адрианова 1917 — В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.
- Адрианова-Перетц 1967 — В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы Киевской Руси // Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада. М., 1967. С. 225–229.
- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // «Семиотика и информатика». Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
- АСЭИ I — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952.
- Берман 1982 — Б. И. Берман. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982.

²³ Благодарю Б. М. Никольского за помощь в поиске греческой параллели.

- Борковский, Кузнецов 1965 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Гиппиус 2010 — *А. А. Гиппиус*. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). 143–199.
- Деянова 1970 — *М. Деянова*. История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език. София, 1970.
- Дробленкова, Шепелева 1999 — *Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шепелева*. Житие Алексия человека Божия / Подгот. текста И. Ф. Дробленкова, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб., 1999. С. 244–253.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Иванов 2019 — *С. А. Иванов*. Блаженные похабы. Культурная история юродства. Новое изд., доп. и переработ. М., 2019.
- Кузнецов 1959 — *П. С. Кузнецов*. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1997.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Истрин 1920 — *В. М. Истрин*. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Муравьев, Турилов 2001 — *А. В. Муравьев, А. А. Турилов*. Алексей, человек Божий // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 8–10.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (2-е изд. М., 2000).
- Падучева 1986/2011 — *Е. В. Падучева*. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. 1986. № 5 (цит. по [Падучева 2011]).
- Падучева 2011 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.
- Петрухин 2004 — *П. В. Петрухин*. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. 28. С. 73–107.
- Петрухин 2013 — *П. В. Петрухин*. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slavistisches Jahrbuch, Neue Folge. 2013. 1. С. 74–98.
- Петрухин, Сичинава 2006 — *П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава*. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова / Под ред. А. М. Молдована. М., 2006. С. 193–214.

- Пичхадзе 2008 — *А. А. Пичхадзе*. Древнерусский перевод «Пчелы» // «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Плунгян 2001 — *В. А. Плунгян*. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.
- Пск. лет. — Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- Пчела I — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- Сичинава 2008 — *Д. В. Сичинава*. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики / Ред. В. П. Плунгян. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 241–274.
- Сичинава 2013 — *Д. В. Сичинава*. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2020 — *Д. В. Сичинава*. Перечитывая плюсквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 136–171.
- Срезневский 1867 — *И. И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Вып. I–XL. СПб., 1867.
- Хабургаев 1978 — *Г. А. Хабургаев*. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. С. 42–53.
- Циммерлинг 2019 — *А. В. Циммерлинг*. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 41–57.
- Чернов 1961 — *В. И. Чернов*. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шевелева 2015а — *М. Н. Шевелева*. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // *Slověne = Slověne. International journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4, № 1–2. С. 564–577.
- Шевелева 2015б — *М. Н. Шевелева*. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.
- Barentsen 1986 — *A. A. Barentsen*. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam. Vol. 8. 1986. P. 1–68.
- Bertinetto 1986 — *P.-M. Bertinetto*. Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Firenze, 1986.

- Cross, Sherbowitz-Wetor 1953 — *The Russian Primary Chronicle* / Trans. and ed. S. H. Cross and O. P. Sherbowitz-Wetor. Cambridge, 1953.
- de Boor II — *C. de Boor. Georgii monachi chronicon* / Ed. by C. de Boor. Vol. Textum genuinum inde a Vespasiani imperio continens. Leipzig, 1904.
- Dietze 1971 — *J. Dietze. Die Erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016–1333/1352* / Ed. des altrussischen Textes und Faksimile der Handschrift im Nachdruck. In deutscher Übersetzung herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von J. Dietze. Leipzig, 1971.
- García de la Puente 2019 — I. García de la Puente. *Relato de los años pasados* / Ed. preparada por I. G. de la Puente. Madrid, 2019.
- Gonneau et al. 2021 — *P. Gonneau, A. Ivanovs, A. Kuznetsov. Les plus anciennes chartes russes / Древнейшие русские грамоты. Fonds des Archives municipales de Riga, XII–XIV s. / Фонды архивов рижского магистрата, XII–XIV вв., Monumenta Palaeographica Medii Aevi: Series Rossica, 1. Turnhout, 2021.*
- Michell, Forbes 1914 — *R. Michell, N. Forbes. The Chronicle of Novgorod: 1016–1471* / Trans. by R. Michell & N. Forbes. London, 1914.
- Müller 2001 — *L. Müller. Die Nestorchronik: Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Monch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116 / Rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von L. Müller. München, 2001. Bd. IV: Handbuch zur Nesorchronik / Hg. Von L. Müller (= Forum Slavicum. Bd. 56).*
- Partee 1984 — *B. H. Partee. Nominal and temporal anaphora* // *Linguistics and philosophy*. 1984. № 7. P. 243–286.
- Plungian, van der Auwera 2006 — *V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking* // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 59. № 4. P. 317–349.
- Reichenbach 1966 — *H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic*. New York, 1966.